

Глаза ее куклы

Автор:

Екатерина Неволина

Глаза ее куклы

Екатерина Александровна Неволина

Смысл ее жизни составляли куклы. Увлечение ими пошло от старинной немецкой куклы Гретхен, привезенной дедушкой из Германии после войны. Но однажды ей встретился красивый мужчина с необыкновенными ярко-синими глазами, и к ней, казалось, пришла настоящая любовь. Кто же знал, что эта встреча тщательно срежиссирована, а все действующие лица – лишь фигурки на шахматной доске, где властвуют семейные проклятия и человеческая подлость.

Екатерина Александровна Неволина

Глаза ее куклы

© Неволина Е.А., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

2019 год, начало мая

Это очень тонкая работа. Осторожно, с помощью крохотной лопаточки с заостренным черенком, обозначаю нос. Выравниваю его, плотно соединяя с поверхностью лица. Поддеваю внизу, формируя ноздри. Теперь губы... Каждое движение вносит незначительные изменения, и тем не менее из бесформенного куска, подобного куску первоматерии, возникает лицо.

Чувствую себя богом, лепящим из глины первого человека. Интересно, что ощущал Создатель в этот момент? Предвидел ли, какими станут его творения? Он так же мял нас, как я до боли в руках разминаю непослушный вначале материал, делая его мягче и пластичнее? Нам много говорят про заложенную в нас свободу воли, но насколько мы свободны на самом деле? Свободна ли я?..

Отведя взгляд от почти законченной работы, я посмотрела на полоску света, лежащую на старом желтом паркете, исцарапанном и истертом за долгие годы эксплуатации. В этом луче царапин почти не разглядеть, зато видны повисшие в воздухе пылинки. Они медленно кружатся в хороводе, не в силах взлететь ввысь и вырваться из своего окружения. Та же проблема у большинства из нас.

Мир кукол понятней и светлее нашего.

Я вернулась к работе. Тщательно вытерев руки влажной салфеткой – мой материал очень восприимчив и не терпит никакой грязи, – бережно, словно лаская, коснулась новорожденного лица. Это далеко не первая моя кукла, однако каждый раз я чувствую волнение и, несмотря на эскизы, не знаю до конца, что выйдет в итоге. Самое главное – глаза. Когда у куклы появляются глаза, она оживает. С этого момента я вижу ее характер, привычки, особенности. Я тоже Создатель, однако у моих кукол – своя воля.

В этот миг я вдруг почувствовала чей-то тяжелый, напряженный взгляд, направленный мне в затылок. По шее пробежали мурашки. В квартире я одна, но тем не менее кто-то на меня смотрит.

Секунды капали, как вода из плохо закрытого крана, и каждая капля больно била по напряженным нервам. Медленно, как во сне, словно я сама подвешенная на ниточку, плохо управляемая кукла, оглядываюсь. Никого. Комната по-прежнему пуста. Вот старый диван, небрежно накрытый красным клетчатым пледом. Вот шкаф. За стеклом стоят книги, а на открытых полках разместились куклы – те, которые не захотели покинуть мой дом. И среди них одна, не

созданная моими руками, но та, которая более всего способствовала возникновению своих сестер. На какое-то сумасшедшее мгновение мне показалось, что на меня смотрели именно ее ярко-сапфировые глаза. Наверное, я сумасшедшая?.. Я провела рукой по лицу, прогоняя наваждение, стряхивая страх, как налипшую паутину. Затем решительно встала и подошла к шкафу.

Ярко-синие глаза Гретхен, как всегда, бессмысленно глядели перед собой.

Я перевела дыхание, стало легче, будто меня разморозили. А по спине и вправду скатилась капля.

– Глупости! – произнесла я вслух, нарушая напряженную тишину квартиры. – Мама была права – с этими куклами я совершенно сойду с ума. Мне нужно больше общаться с людьми, жить реальной жизнью.

Ярко-красные губки на бледном фарфоровом личике Гретхен привычно усмехались, чуть обнажая мелкие-мелкие белые зубки. Кукла казалась бы очень хорошенькой... если бы не уродливая царапина, тянущаяся наискосок через ее румяную щечку. Я поспешно отвернулась и отошла от шкафа. Смотреть на царапину было больно. Давняя вина поднялась из глубин памяти и подступила к горлу. Я зажала ладонью рот, словно пыталась удержать внутри мутную горечь, а второй рукой зашарила по столу в поисках стакана с водой, но вместо него наткнулась на подставку, которая опрокинулась, издав неприятный, похожий на всхлип, звук. Только что сделанная кукольная голова упала. Тщательно вылепленное лицо сплющилось. Теперь уже не поправить. Я с досадой сжала тугой комком пластика, слыша, как внутри него, словно настоящий череп, захрустел слепленный из фольги шарик.

Все насмарку! Трехдневная работа, а еще две предыдущие недели, когда я ходила, обдумывая нерожденный образ, тщательно подбирая, пропуская через себя каждую деталь.

Раздраженно бросив непригодный больше комок на стол, я решительно открыла ящик и вынула початую пачку сигарет. Вообще-то я не курю, сигареты забыл у меня кто-то из гостей, и теперь они служат спасением немногочисленным страдающим, жаждущим просмолить свои легкие... Но бывают дни, когда вроде ничего особенного не случается, однако без сигареты не обойтись.

Я вышла на балкон и неумело закурила, тут же закашлявшись от порции дыма. Руки еще дрожали, однако постепенно я успокаивалась. С балкона открывался вид на вполне себе мирный дворик, где гуляли мамы с колясками, возились в песке громкоголосые малыши, а в ветвях густой, еще не распустившейся сирени гомонили и копошились юркие московские воробушки. День был довольно прохладным и ветреным, но вполне весенним. Полный суеты мир не предполагал ничего необъяснимого и сверхъестественного. Сама не знаю, с чего это нервы так расшались.

В любом случае с работой на сегодня покончено.

Я заварила крепкий кофе и плеснула в него чуточку «Бейлиса» для вкуса. Стала просматривать на ноутбуке обычные ресурсы: инстаграм, ярмарку, контакт... В сообществе «ВКонтакте» под моим постом, посвященным куклам, появилось несколько комментариев. Один из них привлек мое внимание.

«Не поверю, что вы не художник, – писал некто под банальным ником Ник. – Глаза ваших кукол говорят об обратном. В Средние века вас, чего доброго, обвинили бы в колдовстве».

«И вам хочется бросить в костер свою вязанку?» – ответила я и открыла профиль Ника. На его аватарке был летящий орел с распростертыми крыльями. Сведений оказалось очень мало. Пол: мужской, возраст не указан. Интересы: музыка, история и... Надо же! Куклы! Видно, он не случайно забрел в специализированное сообщество. Тоже мастерит? Среди мастеров иногда попадались мужчины, но по большей части они были слегка чудаковатыми, как их куклы... Нет, вроде не мастер. Нет альбома с собственными изделиями. Зато есть фотографии старинных кукол и материалы по ним. Я с интересом пролистала и картинки, и статьи. В вопросе этот анонимный Ник вполне разобрался. Или перепостил хороший материал. Но зачем бы?

Тем временем на колокольчике – маркере новых уведомлений – в красном кружке появилась цифра «один».

«Если бы я расстался со своей вязанкой, то только ради того, чтобы бросить ее в печь для обжига одной из ваших кукол, – продолжил пикировку Ник. – Особенно если бы надеялся, что когда-нибудь она попадет в мою коллекцию, хотя обычно современные куклы меня не интересуют».

Я усмехнулась. Подумаешь, ценитель! Скорее всего, собирает что ни попадя, считая ценным антиквариатом. Я сама интересовалась историей кукол. Конечно, благодаря Гретхен, но надо признать, не нашла ни одной похожей на нее.

Однако неумело флиртующий тип уже стал меня раздражать. Я, кстати, ярко представила его себе: худой, уже не первой свежести, с длинными засаленными волосами и уже хорошо заметной сияющей, точно Вифлеемская звезда, лысиной. Недаром фото на аватарку постеснялся поставить. Впрочем, внешность ни при чем. Думаю, по ту сторону сетей инфантильный, так и не научившийся жить в реальности мужик. Наверняка он еще в детстве любил играть в куклы и тайком таскал их у девочек, а с течением жизни багаж комплексов и компенсаций вырос неисчислимо. Психологический портрет навскидку: одинокий, неуверенный, обидчивый нытик, думающий о себе как о сокровище нации.

«Думаю, попасть в вашу коллекцию слишком большая честь для меня», – ответила я и собиралась уйти из сети.

Но ответ пришел неожиданно быстро, и я не удержалась, взглянула.

«Вы смеетесь, но среди немецких кукол 1900—1930-х годов попадаются удивительные экземпляры», – прочитала я, и сердце вдруг заколотилось.

«Интересно посмотреть на вашу коллекцию», – не удержавшись, написала я.

А спустя несколько секунд в личку пришло письмо: «Вот вам два экземпляра для затравки» – и ссылка.

Первой шла фотография очень редкой куклы с азиатскими чертами, темными волосами, собранными на затылке, одетой в расшитый костюм с двумя рядами круглых металлических пуговиц. В ушах у куклы посверкивали изумруды, оттеняющие зелень глаз. Наверняка драгоценные камни были настоящими.

На второй фотографии оказалась, напротив, типичная немецкая кукла начала двадцатого века – нордическая барышня с двумя косичками, ярко-алыми щеками, капризными губками. Наряд ее состоял из голубого шелкового платья, отделанного мехом, пелеринки и муфточки.

Ни одна не похожа на Гретхен. Зато, насколько я могла судить, обе являлись действительно ценными. А коллекция у этого Ника, вероятно, неплохая. К тому же неизвестно, что еще скрывается в ее недрах.

Вот тебе и тип с блестящей лысиной.

«А можно ли взглянуть на другие шедевры?» – спросила я небрежно и добавила ухмыляющийся смайлик – просто так, чтобы этот Ник не зазнавался.

Шли минуты, а он не отвечал. Черт, а ведь он ушел в офлайн.

Почему-то это меня огорчило. Выходит, он не заинтересован в общении? Или что-то его отвлекло? Но в этом случае мог бы хоть попрощаться. Конечно, «ВКонтакте» – это вам не светский салон девятнадцатого века, однако хотелось бы, чтобы соблюдались хоть какие нормы приличия.

Я с досадой захлопнула ноутбук. И вдруг подумала: а если это никакой не незнакомец по имени Ник, а одна из моих коллег-конкуренток решила меня провоцировать? Я сама не люблю конфликты, дележ пространства и прочих жизненных благ, мои куклы и без этого неплохо покупаются, однако в любом творческом деле без зависти не обойтись. Помню, сначала меня удивляли вдруг начавшие появляться негативные отзывы на мои работы, однако Галина, тоже мастер, с которой мы приятельствовали в сети, объяснила суть таких манипуляций. Думать, что кто-то из коллег-кукольников способен на подлость, мерзко, словно касаться рукой отвратительной желто-зеленой слизи. Казалось бы, творчество и зависть несовместимы, но, увы...

Так где же гарантия, что мне написал реальный человек? Чем дольше я думала об этом, тем больше находилось доказательств обратного. В кукольном сообществе знали мой интерес к куклам определенной эпохи. Это и послужило крючком, на который я с такой готовностью клюнула.

«Ну ничего, – подумала я, снова открыв ноут и разглядывая страницу этого самого подозрительного Ника. – Они неплохо подготовились. Надо сделать вид, будто повелась, а потом самой посмеяться над ними...»

Никакого блестящего хода пока что не придумывалось, однако спешить необязательно – оставим это на время, авось мои враги сами подскажут мне

наилучший способ действий.

Эти мысли меня успокоили, и остаток дня я провела за незначительными хозяйственными делами, неизменно накапливающимися даже при идеальном ведении дома. А мой дом идеальной хозяйкой похвастаться не мог. Вечером я просмотрела сразу три фильма по Джейн Остин и легла спать уже в неплохом настроении.

Но едва закрыла глаза, как очутилась в комнате с уныло-желтыми обоями. Все предметы в ней были огромными или, вернее, выглядели такими, а я сама вдруг стала совсем маленькой.

В огромном кресле, напротив меня, сидела женщина. Ее лицо терялось где-то в вышине, видны были только серые тапки с круглыми меховыми помпонами и обтянутые фиолетовым фланелевым халатом колени. Тем не менее я отчего-то знала, что это прабабушка Ната, умершая еще до моего рождения.

Прабабушка наклонилась надо мной, и ее тень прихлопнула меня сверху, как прихлопывает муху сетчатая мухобойка.

– Ты обидела куклу! – произнесла прабабушка Ната. – Ты понимаешь, что ты сделала?!

Я понимала, а поэтому сжималась от ужаса, становясь еще меньше, уткнувшись носом в собственные колени, неосознанно принимая позу зародыша, желая раствориться совсем, превратившись в крохотную одинокую клеточку, текущую в венах мироздания.

И тут давящая тень вдруг исчезла, а вместо этого меня повлекло куда-то с невероятной силой, словно затягивало пылесосом.

Я очутилась в небольшой, очень скудно обставленной комнате с тускло-зелеными обоями, кажется, предшественниками и фактически близнецами желтых. В глаза бросились большой лакированный стол с грубыми ножками, железная кровать с изогнутыми спинками в ногах и у изголовья, свисающий с потолка матерчатый оранжевый абажур люстры и огромный, на ножках, ящик, о котором я откуда-то знала, что это приемник. Над ним висел бумажный портрет кудрявого мужчины с пронзительным, чуть высокомерным взглядом – это был

Александр Блок.

А еще в комнате находилась худощавая девушка, одетая в старомодное простенькое платьице, скорее напоминавшее ситцевый халатик. Я словно наблюдала за ней со стороны, невидимо паря в воздухе.

Девушка сидела за столом и нервно перебирала исписанные, все в странных сгибах листочки бумаги. Вдруг дверь (о, оказывается, в комнате была дверь!) открылась, в помещение ворвался порыв свежего ветра и... вошел молодой симпатичный мужчина.

Бумаги, словно птицы, слетели со стола, но, не найдя в себе сил на дальнейшее странствие, бессильно опустились на пол неподалеку.

Девушка медленно встала.

С минуту они просто стояли друг напротив друга.

А потом она, издав странный гортанный звук, бросилась гостю на шею. Ее руки, словно у слепой, непрерывно двигались – ощупывали его плечи, зарывались в волосы.

– Ты вернулся! Я знала! Я знала! – повторяла она, словно желая убедить кого-то. Возможно, саму себя?..

– Не плачь, да не плачь же, все хорошо, маленькая! – Он тоже обнимал ее, суматошно гладил, целовал в растрепавшиеся волосы...

А я заглянула в брошенный прямо на пол грязный армейский холщовый мешок и отпрянула, наткнувшись на взгляд ярко-сапфировых незамутненных глаз.

– Ты узнаешь меня? – спросила Гретхен, и я проснулась.

1945 год, июль

Коленька вернулся, и теперь их ждала настоящая счастливая жизнь. Наташа точно знала это, когда упаковывала в большую коробку всю уцелевшую переписку (часть писем с фронта пропала при переезде, и это было хуже, чем исчезновение маминой, еще весьма неплохой, каракулевой шубы). Наташа боялась за мужа все это время. Боялась и ждала, ведь поэт Симонов писал «Жди меня, и я вернусь». Когда в далеком и страшном сорок втором она прочитала эти строки в «Правде», они мгновенно, словно раскаленным клеймом, легли на сердце. «Нужно ждать. Коленька обязательно вернется», – повторяла она.

Если бы можно было поехать и быть рядом с ним... Но нельзя – болела мама, да и Коленька, уходя, заставил ее поклясться, что она позаботится о себе и не наделает глупостей. Наделать глупостей Наташа умела, недаром и мама постоянно заглядывала ей в глаза, тревожно расспрашивала, но Наташа держалась.

«Береги себя, моя маленькая. Пока я знаю, что с тобой все хорошо, ты жива и здорова, на сердце у меня спокойно. Буду бить проклятых фашистов за тебя и за всех наших любимых, моя родная», – писал с фронта Коля. Он часто называл жену «маленькой» – и из-за роста, и из-за того, что она была на целых восемь лет младше его.

– Посмотри, за нами опять увязались эти малявки, – говорил когда-то Коля приятелю, оглядываясь на хихикающих девчонок.

Наташа с детства дружила с его сестрой Олей – крепкой, озорной девчонкой с удивительно густой шевелюрой. Часто бегала к ней в гости. Подружки были не разлей вода, а мама Коли и Оли, уже не делая между дочками разницы, кормила обеих вкусным супом и заплетала бантики.

– Пойдем подглядывать за Колькой. Они опять курить тайком пошли, – шептала на ухо подруге Оля. – Давай распотрошим его папиросы, я знаю, где он их прячет. А внутрь сена набьем! Вот будет здорово!

– Вот бы достать что-то такое... чтобы Колька прикурил, а оно как бабахнет!.. Миготнул бы! – принималась фантазировать Наташа.

Все детство, сколько она себя помнила, Колька сердился на них, а порой даже отвешивал обеим звонкие затрещины... Так было до одного дня на речке, когда

все вдруг изменилось, а Наташка поняла, что внезапно выросла. Но даже после этого Коля все равно звал ее маленькой. И вот теперь привез ей с фронта в подарок трофейную куклу.

– Это для моей маленькой! – сказал он, протягивая невероятную фарфоровую леди.

Эта кукла была самым красивым, что Наташа когда-либо видела в жизни. Белое румяное личико игрушечной барышни казалось утонченно-прекрасным. Что уж говорить о ярких сапфировых глазах, изящном носике и надутых ярких губках. У куклы были, кажется, настоящие, очень мягкие, светлые локоны, а ее платье стоило, наверное, столько, сколько весь гардероб самой Наташи. Впрочем, Наташа сомневалась, можно ли за весь ее гардероб купить одно такое кукольное платьице.

Если бы в их крохотной комнатке появился турецкий султан или сам товарищ Сталин, это не показалось бы Наташе более чудесным, чем появление красавицы-куклы.

Даже прикоснуться к фарфоровой барышне она решилась не сразу, а когда решилась, задержала дыхание, словно входила в холодную реку.

– Как ее зовут? – обмирая, спросила Наташа у Коли.

Он улыбнулся.

– Придумай ей какое-нибудь имя. Хочешь, будет Зоей?

Наташа даже рассмеялась. Ну почему мужчины такие недогадливые? Разве могут такую барышню звать Зоей или Наташей? С первого взгляда понятно же, что у нее должно быть совершенно особенное и прекрасное имя.

– Ее должны звать как барышню, – смутившись, проговорила Наташа, едва осмелившись провести пальцем по безупречной румяной щечке куклы. – Я... не знаю, я нигде не была...

Коля обнял ее за плечи и поцеловал в макушку.

– Маленькая моя... Какая же ты у меня маленькая!.. Ну хорошо, пусть ее будут звать... Гретхен.

– Гретхен... – нараспев повторила Наташа.

И с тех пор Гретхен торжественно сидела на коробке с письмами, снисходительно глядя на скудную обстановку комнаты, словно королева, по недоразумению попавшая в приют для нищих.

Глава 2

Наше время, начало мая

Умывшись, я пошла ставить кофе, но когда снова заглянула в ванную, едва не вскрикнула от испуга: на белом мягком полотенце с серебристой окантовкой и вышитым цветком уродливо бурели пятна крови. Сердце тревожно замерло в груди, а висевшее напротив двери зеркало отразило бледное лицо, окруженное густыми каштановыми волосами. В полутьме казалось, что под глазами залегли густые тени.

Кровь. Откуда здесь кровь? Я провела рукой по лицу, включила свет и с облегчением перевела дыхание. У меня с детства слабые сосуды, так что неожиданные кровотечения не редкость. Вот и сейчас у правой ноздри запеклась бурая корка. Кровь на полотенце получила объяснение самым естественным образом.

Я привела себя в порядок, выпила кофе и даже позволила себе очень калорийные, но невероятно вкусные гренки, люблю, когда хлебцы так хорошо пропитаны молоком, что аппетитно булькают на сковородке, поджариваясь на сливочном масле и приобретая медово-леденцовую корочку. В это время позвонил Пашка. Мы встречались с ним уже два года, но, кажется, без особой страсти с обеих сторон. Даже съехаться не решились, хотя моих родителей Пашкино присутствие в моей жизни успокаивало. Им казалось, что он не дает мне целиком погрузиться в мой кукольный мир, вытаскивая оттуда то в кино, то в поездку по ближайшим пригородам. Павел водил очень смешной зеленый

«Матиз» и, к счастью, совершенно не комплексовал по данному поводу. Он был спокойный, надежный и... невыразимо скучный, как домашние тапочки.

- Привет, как ты? – начал он традиционно.

Забавно, но Пашка – один из редких людей, кто действительно слушает ответ на этот банальный вопрос.

- Не очень, – пожаловалась я, – вчера голову новой куклы уронила. Так жаль, представь! А потом всю ночь ерунда какая-то снилась.

- Ты куклу на заказ делала? – с беспокойством спросил он.

В этом как раз весь Павел. Практическая сторона дела для него важнее всего.

- Нет, для себя, но... Не важно, – мне внезапно захотелось пойти куда-нибудь. – Пригласишь девушку в ресторан?

- Когда? Сегодня?

Я едва не разозлилась. Ну вот как с таким тюфяком разговаривать? Нет, через три года, когда ты, наконец, соизволишь раскачаться!

- Ладно, не хочешь – не пойдем, – буркнула я. – У меня тоже нет настроения.

- Ну что ты сразу взрываешься? – посетовал Пашка. – Я еще работаю, а вечером давай сходим. Часов в семь. Нормально?

В голосе послышались просительные нотки.

Он на полгода младше меня, ему двадцать три с небольшим, но такое ощущение, что нас разделяет целая вечность. Я, конечно, слышала, что среди мужчин процветает инфантилизм, но не настолько же!.. И в то же время я прекрасно понимала, что других молодых людей вокруг меня не наблюдается. Расстанусь с Пашкой – и буду одна, а там, мама права, еще сильнее погружусь в выдуманный мир. И вообще я ярко представила, какими обиженно-собачьими станут глаза Пашки, если я скажу, что мы расстаемся. Обидеть его почти то же

самое, что обидеть милого щеночка.

– Нормально, – согласилась я и поспешила закончить разговор: – Иди работай. Я тоже делами займусь.

Я включила ноутбук, проверила почту. Надо же, «ВКонтакте» опять письмо. Отчего-то оно вызвало у меня смутное беспокойство.

Сообщение оказалось от Ника и содержало в себе одну-единственную фотографию – фарфоровая кукла в соломенной шляпке и зеленом платье с бантами и оборками. В ней чудилось что-то от Гретхен... Или мне это только померещилось?

Ник был онлайн, и я не удержалась.

«Это и вся коллекция?» – спросила я ехидно.

«Если бы! Я могу присылать по кукле каждый день. Но не просто так», – ответил таинственный собеседник.

«И какую же сумму вы ожидаете получить? Многие платят за перепост фоточек?»

«Это не перепост, – ответил он тут же. – Реальная коллекция, если вам интересно. А деньги мне не нужны. Зачем они? Гораздо интереснее узнавать что-то новое. Я вам буду показывать новую куклу, а вы – отвечать на мой вопрос».

Что за игра?! Я фыркнула. Нет, наверняка кто-то из конкуренток меня разводит.

«И вы уверены, что я отвечу правду?» – быстро набрала я.

«Надеюсь на вашу честность...» – и смайлик в виде ангелочка.

«И какого рода вопросы? Какие цифирки написаны на обороте моей банковской карты?»

«Примитивно мыслите! Вот, кстати, первый вопрос: ваши любимые цветы».

Я несколько растерялась. Вопрос не казался мне провокационным или содержащим подвох. И все же кто этот человек? Зачем он ко мне привязался? Что ему от меня надо?

«Вы кто? Мы знакомы?» – не выдержала я.

«Это не по правилам игры. Я задаю вопрос и жду на него ответ. Предвидя ваши сомнения, предупрежу сразу: не хотите – не отвечайте, на этом наша переписка прекратится, и я не стану больше вам докучать».

«Докучать»? Любопытное слово. Кто вообще сейчас так говорит? Нет, вряд ли это одна из моих конкуренток, они бы не додумались до подобного. Судя по лексике, это не молодой человек. Можно вернуться к моей первой версии о фрике, добавив определение: старый фрик.

Пока я думала, в окне появилась надпись: «Ник был в сети две минуты назад».

Опять ушел! Нет, какой же странный и подозрительный субъект. Тем не менее мне стало интересно.

Я не ответила на дурацкий вопрос, а села работать. Куклы вовсе не основное мое занятие – это дело скорее для души. Иногда я продаю кого-то из сделанного мной народа, иногда работаю на заказ, но продажи в нашем деле не такая уж частая вещь, тем более что труда вкладывается много, да и материалы стоят немало – взять хотя бы стоимость профессионального пластика, потом еще краски, кисточки, всевозможные приспособления. Да и коробка, в которую будет запакована кукла, должна в точности под нее подходить и соответствовать всем эстетическим требованиям. В общем, я знаю пару мастеров, которые этим и зарабатывают, но для раскрутки им требовалось время и финансовое обеспечение, позволяющее не думать о хлебе насущном.

Хлеб мне приносит дизайн и рисование – работаю с глянцевым изданием, создавая незатейливые рисуночки и коллажи, а еще иногда делаю обложки для пары крупных издательств. Все связано с моей основной сферой деятельности – рисованием, но только куклы позволяют действительно реализоваться и не забыть, за что я в свое время получила диплом. Сейчас, кстати, многие

занимаются куклами, и бытует мнение, что для их изготовления не требуется являться художником. Неправда! Нужно быть и художником, и скульптором, и швеей... А ведь этот странный Ник угадал мою профессию... Случайность?

Поймав себя на том, что я опять скатилась к мыслям о таинственном незнакомце из сети, я достала графический планшет и на несколько часов погрузилась в работу. Очнулась только после Пашкиного звонка.

– Через час встречаемся в нашем ресторане, – гордо сообщил он. – Не возражаешь, Костя заскочит? Он должен мне кое-что отдать.

А я уже успела позабыть о договоренности. Вот интересно, Ник спросил меня про любимые цветы, а Павел дарит традиционные три розовые розы (ненавижу этот цвет!) только по праздникам. Разве трудно мужчине принести в дом девушки цветы просто так? Или хотя бы поинтересоваться, что она любит.

А вот против Кости я не возражала – лучший Пашкин друг иногда составлял нам компанию в походах по музеям или поездкам в пригороды. Он был спокойным, не болтливым, зато весьма неглупым и частенько рассказывал о разных местах что-то интересное и небанальное, такое в Интернете не найдешь. Кстати об Интернете...

Я заглянула на свою страничку. Сообщений от Ника не появилось, и, судя по всему, он больше не заходил на сайт. Рассердившись на то, что этот подозрительный и странный субъект стал слишком уж занимать мои мысли, я выключила компьютер и отправилась одеваться.

Особо мудрить не стала – надела джинсы, пригодные на все случаи жизни, может быть, за исключением свадьбы и похорон, но и это не факт, и объемный серо-белый полосатый свитшот. Затем подкрасила ресницы и губы, расчесала волосы, слава богу, у меня не какая-нибудь там сложная прическа, а обычные прямые волосы до плеч, и делать с ними что-нибудь замысловатое в ближайшее время уж точно не собираюсь.

Теперь взять сумку, обуть удобные скетчерсы – и можно идти.

Павел уже ждал меня в ресторане, на веранде. Перед ним стояли бутылка вина и два чистых бокала.

– Я заказал нам пиццу с ветчиной, моцареллой и рукколой, – радостно заявил он.

Я невольно скривилась. Вообще-то я люблю такую пиццу, и мы часто брали ее на двоих, однако непрошенная услужливость раздражала – он даже не поинтересовался, что я хочу.

– Хочу стейк. И картошку, – заявила я, садясь напротив.

Паша растерялся, а потом засуетился – позвал официанта, попросил поторопиться с моим заказом. Странно, это не принесло мне облегчения. Напротив, теперь я почувствовала себя капризной истеричкой. В этот вечер все вообще шло не так и отчего-то нервировало меня. В целом ничего необычного не было, хотя, вероятно, именно в этом и заключалась причина раздражения. Все протекало слишком уж обычно. Ресторан, пустой разговор про всякие мало интересующие меня дела, не особо впечатляющий секс после него... В общем, трясина. Как-то, когда я была маленькой, мама водила меня в художественную студию. Пообедать мы не успевали и всегда заходили в диетическое кафе. Так вот, до сих пор помню тарелку овсянки, куда попала муха и никак не могла выбраться. Отвратительное зрелище. И сейчас я напомнила себе эту самую муху в невкусной клейкой овсянке. Неужели ничего иного у меня не будет?

Единственное оживление в вечер внес появившийся Костя. Он посидел с нами минут десять, повеселив нас сетевыми анекдотами, и поспешно сбежал, ссылаясь на неотложные дела. Не знаю, были ли у него и вправду дела, однако мне показалось, что он просто не хочет нам мешать.

– А у Кости девушка есть? – спросила я Пашу, когда его друг исчез за дверью.

Костя далеко не красавец – высокий, плечистый, с простым, даже топорно вылепленным лицом, так что, глядя на него, я всегда хотела взять в руки стик и немного подправить... Сделать бы поизящнее линию подбородка, вылепить скулы, удлинить коротковатый нос, чуть тронуть линию разреза глаз – пожалуй, вышло бы значительно лучше.

– У Костьки-то? Девушка? Если только виртуальная! – хохотнул Павел.

А жаль. Константин довольно милый и, похоже, надежный. Жаль, что девушки таких редко замечают.

На следующий день я снова заглянула на сайт. Ник ничего не написал. Зашла на его страницу. Возможно, все, что меня интересует, отыщется там или в Instagram. Но нет, ничего подобного. Еще раз пролистала его материалы, в которых и вправду было много о куклах начала двадцатого века. Впрочем, ничего принципиально нового я для себя не открыла. То, что фарфоровые куклы сначала изготавливались во Франции, а с конца восьмидесятых годов девятнадцатого века основное производство перешло в Германию, знала и без того. Как и об основном материале, из которого их делали, – бисквите – неглазированном фарфоре. Америку тут не откроешь.

И что же теперь? Этот Ник появился на горизонте, заинтересовал и исчез? У меня имелось два выхода: поступить по-умному, то есть забыть об этом, или начать совершать глупости. Думаю, нет нужды пояснять, как именно я поступила.

«Люблю ярко-желтые и зеленые хризантемы», – написала я и на миг замерла, прежде чем отправить сообщение. И все-таки, что я творю, и главное – зачем? Сама же не думала про этого Ника ничего хорошего, и тем не менее он оказался событием в моей овсяночной жизни.

– Может быть, я открою твою тайну, – сообщила я Гретхен и решительно нажала на ввод.

Гретхен, как водится, ничего не ответила и смотрела по-прежнему невозмутимо. Как-то от отчаяния я думала отнести эту куклу оценщику, но так и не решилась. Для моей семьи она всегда значила слишком много и, несмотря на нанесенное ей увечье, являлась, пожалуй, основным ценным предметом.

Десятки раз осторожно вылепляя очередное кукольное лицо, я пыталась искупить ту давнюю вину, но до сих пор не смогла, по крайней мере горечь не проходила, а взгляд Гретхен оставался таким же презрительно-укоризненным. Она реально изменилась в тот самый день. Я даже сличала фотографии – старые, сделанные до катастрофы, и новые – и готова спорить, что взгляд Гретхен стал другим. Она не готова простить мне обиду.

Как бы мне хотелось знать о ней больше...

1944 год, начало августа

Посмотрев в зеркало, Моника нахмурилась. В последнее время муж часто отлучался, а она переживала – и вот пожалуйста, под глазом наметилась явная морщинка, а лицо бледное, какое-то уставшее. Сегодня Стефан наконец будет дома, а значит, нужно оказаться на высоте!

Покачав головой, Моника принялась делать маску на основе бодяги, рецепт которой получила от матери. Затем с тревогой посмотрела на часы.

– Грета! – позвала она кухарку. – Все готово?

– Да, фрау Моника, – рыжая полноватая кухарка в присутствии хозяйки будто вытягивалась в струнку и явно робела, но это к лучшему, ведь строгость необходима в некоторых вопросах, панибратства с прислугой Моника, как и ее мать, не одобряла. – Все сделано, я достала фарфор и серебряные приборы.

– Хорошо, – молодая женщина позволила себе улыбнуться. – А салфетки?

– С оленями, фрау.

На миг Моника задумалась: вроде подходят для обычного семейного ужина, однако сегодня хотелось чего-то особенного.

– Достань фамильные, с орлами. Это все.

Кухарка удалилась, а Моника занялась приведением себя в порядок. В заключение она раз двести провела щеткой по пышным золотистым волосам и снова тщательно осмотрела свое отражение. Нет, она все еще очень хороша, ярко-синие глаза сияют, а морщинка пропала – возможно, она только померещилась. До прихода Стефана оставалось время, и молодая женщина заглянула в детскую.

– Мамочка! – маленький Эмиль бросился ей на шею, и Моника расцеловала сына в тугие, сладко пахнувшие щечки.

Он был уже наряжен в новый костюмчик и казался ангелочком – волосы тоненькие, мягкие, золотые, в Моника, а глаза серые, отцовские. Их долгожданный любимый мальчик, настоящий подарок неба, ведь они со Стефаном уже не верили, что у них могут быть дети, когда он появился.

– Ты мой любимый, хороший мальчик! – Моника взяла сына на руки. В свои неполные четыре Эмиль был тяжеленьким, но разве чувствуешь тяжесть, когда поднимаешь родную кровиночку! – Сегодня приедет папочка. Ты скучал по папочке?

– Очень, – подтвердил мальчик. – Где папа? Я хочу к папе!

Моника кивнула няне, чтобы та ушла, и, не спуская Эмиля с рук, села на диван в детской.

– Понимаешь, – сказала она, заглядывая в глаза сыну. – Сейчас очень тяжелое для всех нас время. Папочке нужно очень-очень много работать. Но скоро все будет хорошо, мы справимся, наш папочка к нам вернется и больше не будет уезжать. Понимаешь, Эмиль?

Он подумал и только после этого серьезно кивнул.

Ее ангелочек стал уже совсем взрослым и очень умным.

– Все будет хорошо, – повторила Моника.

Она и сама верила, что вскоре все вернется на круги своя, так, как было до войны. В наполненной солнечным светом детской невозможно думать о плохом, здесь сердце, как цветок, открывается навстречу радости, и можно верить, что зло никогда не войдет в этот дом, построенный с заботой и любовью, а под его сводами будет всегда звучать смех.

Вернется Стефан, они заживут как прежде: счастливо и легко. Эмиль вырастет, закончит школу, познакомится с хорошей девочкой... Например, Агнесса,

наверное, могла бы ему подойти, или Аделина... Они поженятся, и когда-нибудь уже их дети будут жить в этом доме, снова наполняя его веселыми голосами и беззаботным смехом.

Так было и так будет, ведь этот прекрасный уголок мира создан для счастья.

- Мамочка, а можно мне посмотреть тебя кукольную? - попросил мальчик жалобно. - Ну пожалуйста!

На секунду Моника задумалась. Но лишь на секунду - разве можно отказать в чем-то собственному ребенку?

- Мария! - позвала она няню. - Посмотри за Эмилем, я сейчас вернусь.

- Слушаюсь, фрау Моника. - Девушка присела в полуреверансе.

А Моника отправилась в кабинет, где в запертой секции старинного дубового шкафа, принадлежавшего еще предкам Стефана, стояла золотоволосая синеглазая кукла. Черты ее лица в точности соответствовали чертам семнадцатилетней Моника, и, взглянув на куклу, она в очередной раз убедилась, что время еще не коснулось ее, она так же красива, как в те дни, когда впервые встретилась со Стефаном и они влюбились друг в друга. Сначала отец был против и называл Стефана неблагонадежным выскочкой, но ее избранник сумел доказать свою перспективность, и отцу не оставалось ничего другого, как сдаться.

Как же они были счастливы в те годы! Тогда, когда Стефану не требовалось так часто уезжать, разрывая ее сердце буквально пополам. Кому она нужна, эта война?.. Ведь именно сейчас, с рождением Эмиля, их семья обрела идеальное счастье. Впрочем, спорить с мужем Моника не решалась - она точно знала, что взгляды в семье могут быть только одни, и определяет их, конечно, мужчина.

Бережно взяв в руки фарфоровую куклу, Моника принесла ее сыну.

- Осторожней, она очень хрупкая, ты помнишь? - спросила она.

– Я буду аккуратен, мамочка! – Эмиль принял куклу и погладил ее по мягким локонам, прикоснулся пальчиком к оборкам нарядного платья.

Моника смотрела на сына и улыбалась. Не зря говорят, что счастье в детях. Кстати, о куклах... хорошо бы ввести традицию и сделать куклу в виде будущей невесты Эмиля. Когда-нибудь в доме соберется целая коллекция дорогих и прекрасных кукол!

– Простите, фрау, вас к телефону, – робко позвала горничная, заглянув в детскую.

– Да! Это Стефан, он едет! – Моника вскочила и бросилась в коридор, где стоял новенький черный аппарат.

Но звонил всего лишь Курт, один из подчиненных ее мужа. Он говорил что-то о сложной политической обстановке, требующей непременно присутствия герра Рихтера. Из всех этих запутанных речей Моника поняла только одно: Стефан сегодня не приедет.

Глава 3

Наше время, начало мая

Следующая присланная Ником кукла оказалась совсем не похожа на Гретхен. У нее были светлые кудрявые волосы, напоминающие уши пуделя, толстые брови, глупые голубые глаза и розовое платье с кружевом явно ручной работы. Разумеется, вполне себе коллекционный экземпляр, однако игла разочарования кольнула меня весьма болезненно.

Конечно, никто не обещал, что удастся найти двойника или нечто вроде того, но почему-то я на это надеялась вопреки всем доводам рассудка.

Вдруг в коллекции этого Ника нет больше ничего стоящего и я просто даром потрачу время? А он между тем задавал очередной вопрос: «Что ты любишь больше всего?»

Я задумалась. И этот вопрос вроде был абсолютно безобидным, и все же зачем незнакомому человеку знать такие интимные вещи обо мне? Он бы мог задавать подобные вопросы, если бы собирался за мной ухаживать. А он собирается? В груди шевельнулось волнение.

Что я люблю? Нежиться в ванне; есть конфеты с начинкой из сухофруктов; чувствовать, как мужские губы медленно и нежно скользят по моей шее; делать последний штрих кистью на кукольном лице, понимая, что теперь она заживет своей собственной, независимой от меня жизнью... Люблю в солнечный теплый день неторопливо, без всякой цели слоняться по парку, валяться на траве и бездумно смотреть в небо.

«Я люблю спать», – написала я вместо этого.

Однако мой неведомый собеседник, кажется, был невероятно пронизательным и ответил сразу: «Это неправда. Поищите другой ответ».

Я возмутилась. С чего он берется судить, что правда, а что неправда, но затем почему-то вписала в окошко сообщения все то, о чем действительно думала. Стало любопытно, как он откомментирует. Ник не ответил и ушел в офлайн.

Кажется, он играет со мной, словно кошка с мышью. Но зачем? Какова его цель?

Когда позвонил Пашка, я опять сорвалась на нем: спровоцировала ссору и взяться за новую куклу тоже не смогла. Незнакомец Ник и его коллекция волшебным образом занимали мои мысли.

А ночью мне приснилось странное. Будто за моей спиной стоит мужчина. Я не вижу его, только чувствую, с какой невероятной силой меня к нему притягивает, улавливаю тревожно-горьковатый миндальный запах его туалетной воды. А он берет меня за плечи и принимается медленно целовать в шею, вызывая неистовую волну желания. Я хочу повернуться к нему, прильнуть так, чтобы раствориться в нем, слившись воедино, но не могу. Тело мое, разрываемое желанием, словно стало мраморным или, скорее, фарфоровым... Кажется, я превратилась в куклу.

– Теперь ты моя! – прошептал мужчина, нежно перебирая мои волосы. – Именно тебя не доставало в моей коллекции!

Я проснулась с бешено колотящимся сердцем, воздуха не хватало. От воспоминаний о привидевшихся ласках все тело горело огнем. Прикосновения казались такими реальными, что буквально сводили с ума.

Перевернувшись на бок, я поджала к груди коленки и закусила угол подушки.

Что же со мной творится? Я редко видела эротические сны, и ни один не волновал меня так, как этот. словно наваждение какое-то. В памяти вновь и вновь всплывали детали, как будто мое тело помнило эти прикосновения. Почему же я не смогла увидеть лицо этого человека из сна? Теперь мне казалось, что, если бы получилось оглянуться и посмотреть в его глаза, мне стало бы легче, наваждение потеряло бы надо мной власть. Неизвестное всегда волнует сильнее, чем то, что ты знаешь.

Ближе к рассвету, так и не заснув, я включила ноутбук и получила заслуженную награду – кукла на новой фотографии оказалась невероятно похожа на Гретхен. Нет, черты лица у нее были другие, однако по манере исполнения, используемым материалам и, главное, чему-то роднящему их моя кукла и кукла с фотографии казались сестрами. Возможно, обе вышли из рук одного мастера. Значит ли это, что я близка к цели?

Сердце на миг замерло, а затем снова суматошно застучало. Волнений на сегодня оказалось слишком много, голова кружилась, однако я подошла к Гретхен и осторожно взяла ее в руки.

– Кажется, я отыскала твою сестру, – сказала я. – Наверное, ты бы хотела найти потерянную семью?

Ярко-сапфировые глаза куклы смотрели мимо меня... в экран ноутбука. Неужели она узнала незнакомку с фотографии?

Бережно посадив Гретхен на стол так, чтобы она тоже смотрела в экран, я сохранила картинку, вернулась к письму и написала Нику сначала полное эмоций и вопросов послание, но опомнилась и уничтожила его, так и не отправив. Слишком подозрительно и внезапно появился он в моей жизни. И

вообще лучше не демонстрировать постороннему человеку свои слабости и истинные чувства.

Помню, в восьмом классе я сменила школу, мне очень хотелось с кем-нибудь подружиться, и я стала общаться с девочкой по имени Наташа. Даже домой ходила большой петлей, делая вид, будто мне как раз нужно идти мимо Наташиного дома. Однажды я пригласила новую подружку к себе и показала ей кукол, которых начала собирать уже тогда. Разумеется, это были не настоящие дорогие куклы, как Гретхен, а дешевые, так называемые коллекционные штамповки.

- Ты до сих пор играешь в куклы? - изумилась Наташа.

Я попыталась рассказать ей о куклах, но ее это ничуть не заинтересовало, а я, боясь, что одноклассники засмеют меня, как было в прежней школе, взяла с нее слово никому не рассказывать о моем увлечении.

- Клянусь! - приложив руку к сердцу и сделав страшные глаза, пообещала Наташка. - Клянусь тебе кодексом джедаев!

И конечно, когда я пришла в школу на следующее же утро, за моей спиной слышались перешептывания и смешки, а главный клоун класса принялся носиться вокруг меня, делая вид, будто отгоняет одноклассников, и кричал: «Не трогайте ее! Не трогайте бедненькую маленькую девочку, а то она пожалуется мамочке! Ну что же вы делаете? Маленьких обижать нельзя!.. Ребенок до сих пор играет в кукол. Ну вот, вы ее огорчили, негодяи! Ни у кого нет бутылочки с сосочкой?»

В тот день я убежала с уроков, простудилась, слегла с высоченной температурой и проболела две недели. Думаю, что это было нервное. Мне не хотелось возвращаться в класс, но я не могла допустить, чтобы эти звереныши, еще не ставшие взрослыми, но уже очень злые, торжествовали победу и считали, что загнали, уничтожили меня. Не дождутся! - решила я. Поэтому, когда я появилась после болезни, то сделала вид, будто ничего особенного не произошло, а на Наташку даже не смотрела. Меня, конечно, еще пытались дразнить, но, не добившись ни грамма внимания, бросили. Для палачей и охотничьих собак нет ничего привлекательнее страха их жертвы, нет страха - нет и удовольствия. Мне тогда было приятно, что я лишила их удовольствия, а еще я на всю жизнь

запомнила урок, который мне преподали. Не доверяйся – и не будешь обманут.

Вот и сейчас я налила себе чаю, успокоилась и только после этого ответила Нику.

«Симпатичная кукла. А где ее изготовили?»

Чтобы занять себя в ожидании ответа, я снова погрузилась в работу и специально не заходила на сайт до самого вечера. А когда зашла, там меня ждало новое письмо.

«Можете посмотреть на клеймо сами, если вам, конечно, это интересно».

С этого момента все буквально валилось у меня из рук. Я открывала, а затем снова закрывала страницу раз двадцать, наливала чай и забывала о нем, садилась поработать, но спустя время обнаруживала себя бесцельно глазеющей в пространство. Звонил Пашка, но, боюсь, я была с ним груба, хотя едва понимала, о чем он вообще говорит.

А Гретхен смотрела на меня с легким любопытством и насмешкой, словно ее весьма занимали метания человеческого существа. Сама не понимаю, почему я не могла ответить на сообщение сразу. Боялась показать свою слабость? Не привыкла допускать людей слишком близко? И все же я решилась. Было уже далеко за полночь, когда я написала Нику всего три слова: «Где и когда?», а потом снова металась, не в силах уснуть. Но он словно сжалился надо мной – ответ пришел меньше чем через час. Весьма меня обнадеживший ответ: «Если хотите, завтра, в центре».

Подойдя к темному окну, я, прислонившись лбом к холодному стеклу, смотрела на спящий город. Почти все дома были погружены во мрак, горели лишь немногие окна в высотке напротив. Хотелось бы знать, что происходит за ними. Иногда трудно поверить, что там живут люди, которые занимаются какими-то каждодневными рутинными делами: едят, спят, смотрят телевизор, разговаривают, мечтают о чем-то, ждут чего-то... Ник тоже не спит. Где-то в этом огромном городе горит еще одно окно – его окно. Возможно, он, как и я, прижимается сейчас лбом к стеклу и думает о чем-то... Знать бы только, о чем...

– Ничего, – прошептала я, – стоит увидеть его лицо, и он перестанет занимать мои мысли. Я думаю о нем так много потому, что все это очень странно. И его появление, и странные вопросы, и куклы... Он для меня загадочный незнакомец, но стоит сдернуть вуаль – и магия исчезнет.

А на следующий день я увидела его лицо.

1953 год, февраль

Папа и мама никак не возвращались. В комнату заглядывала луна, стеля по полу серебристую дорожку. Кажется, наступи на нее – и улетишь на небо, в настоящую сказку.

Но Боря даже не смотрел на эту красоту. Сжавшись под одеялом, отвернувшись к стене, он боялся оглянуться, но все равно чувствовал на себе тяжелый нечеловеческий взгляд. Кукла смотрела на него ярко-сапфировыми холодными глазами.

Мама называла эту куклу сокровищем и рассказывала, что получила ее в подарок от папы, но все же Боря точно знал, что кукла их не любит. Возможно, она злая ведьма, как та, что бросила в воду сестрицу Аленушку, а братца Иванушку собиралась зарезать. Боря не верил этой белокурой обманщице. Наверное, она приворожила маму и папу специально, чтобы их погубить.

– Ты же не боишься куклу? Боренька, ты большой мальчик, тебе скоро уже восемь, и ты не должен бояться, – говорила мама. – Посмотри, какая красавица наша Гретхен.

Кукла то глядела на него насмешливо, словно издевалась, то казалась воплощением спокойной доброты.

– Гретхен сказала, что любит тебя! Ну, поцелуй ее, только осторожно! Ни в коем случае нельзя ей навредить! – ласково шептала мама, глядя его по растрепанным темным волосам.

Боря молчал и твердо знал, что кукла умеет лгать и притворяться. Конечно же, она его не любит. Она злая, и в этом нет никакого сомнения.

Сейчас, закрыв глаза, он изо всех сил прислушивался – не раздадутся ли за спиной мелкие дробные шаги...

Скрипнул пол, и Боря едва удержал в себе крик. Кукла шла к нему. Очень медленно и тихо, подкрадываясь.

Он вцепился онемевшими пальцами в край одеяла и держал его из последних сил, словно военный рубеж. Его отец ходил на войну и храбро бил фашистов. И Боря бы, честное слово, не побоялся никаких фашистов, напавших на родину. Он бы закричал: «За Родину! За Сталина!» – и бросился бы в бой. Но кукла... Кукла страшнее всего. Вот были бы у него «максим» или «катюша», он бы ей показал!..

Снова заскрипел пол, уже совсем близко.

Боре показалось, что, несмотря на толстое шерстяное одеяло, по спине пробежал холодок. И тут он не выдержал и громко, истошно закричал и кричал, срывая голос, до хрипоты, до тех пор, пока в легких не закончился кислород, а горло не оказалось сжато тисками боли. Он, сын советского солдата, дошедшего до самого Берлина!

Когда мама и папа вернулись, Боря крепко спал, сжимая незнакомого, изрядно потрепанного плюшевого мишку с полуоторванной лапой, держащейся буквально на нескольких нитках, а куклы на месте не было.

Когда Наталья поняла это, то едва не сошла с ума. Их ограбили и, конечно, унесли самое ценное! Она включила свет и тормошила сонного, ничего не понимающего сына.

– Где она? Кто сюда приходил? Где она?!

Николай бестолково метался по комнате, пытался успокоить жену, побежал за водой, а вернулся из кухни с Гретхен.

Увидев куклу, Наталья выпустила сына и разрыдалась.

– Мама, давай ее прогоним. Насовсем? – робко предложил Боря, выглядывая из-под одеяла.

В это время в дверь постучали. Отец вышел в коридор и вернулся спустя недолгое время.

– Грушины, – объяснил он жене, все еще ощупывающей куклу, чтобы убедиться, что та не пострадала. – Говорят, Боря кричал. Они стучали, а потом открыли комнату, какой-то ключ подошел... Это их медведь. Они уверяют, будто мальчик испугался куклу, и они отнесли ее на кухню.

– На кухню? – Наташа посмотрела на мужа ярко-блестящими, словно от непролитых слез, глазами. – Ты должен сменить замок, Коля. Немедленно! Слышишь! Сейчас же! Мы не можем так рисковать!

Боря смотрел на родителей, прижавшись спиной к холодной стене. Страх вернулся, кажется, еще больше усилившись. Злая ведьма похитила сердце его мамочки, и теперь все пойдет не так...

Глава 4

Наше время, начало мая

Я сразу поняла, что пропала.

Когда я читала о подобном в книгах, то не верила. Но реальность настигла меня, как удар тока. Если постараться дать имя тому странному, что я испытала, когда вошла в кафе и осознала, что человек за столиком у окна – Ник, я назову это болью. Она пронзила меня насквозь так, что я почувствовала себя бабочкой, припиливаемой коллекционером большой булавкой.

Я не запомнила обстановку кафе – что-то совершенно обычное, незначительное, со множеством тесно сдвинутых столиков. Из больших, почти во всю стену, окон

широкими полосами, как полноводная река, лился медовый теплый свет. Он золотил светлые волосы мужчины с ослепительно-синими, как у Гретхен, глазами. Эти полные сияния глаза так поразили меня, что я не могла отвести взгляд. Чувствуя себя, словно бандерлог под взглядом удава Ка, я медленно подошла к столу и остановилась.

Ник был во всем светлом – светло-голубая футболка, светлые вылинявшие джинсы. Сколько ему лет – сразу и не поймешь. Уже за тридцать, но выглядит моложаво, лицо гладкое, а волосы не поредели и не потускнели. На столе лежали солнечные очки. И это правильно – такие глаза нужно прикрывать, чтобы их не видели женщины... Читала я какую-то, кажется кельтскую, легенду про родимое пятно-метку на лице у юноши – невозможно было взглянуть на нее и не влюбиться, – так вот глаза Ника обладали именно таким свойством. Рядом с очками стояла чашка кофе и лежала стопка распечатанных фотографий.

– Садись, – мужчина улыбнулся и кивнул на стул напротив. – Будешь капучино? Или латте?

Говорил он слегка непривычно, словно в речи скользил непонятный мне легкий акцент, не раздражающий, скорее приятный.

– Просто воду, – пробормотала я, опускаясь на стул.

– Отлично, тут есть освежающий напиток с мятой и лимоном. Я закажу, – и он, не дожидаясь ответа, кивнул официантке, поспешившей принять заказ.

Было заметно, что девушке Ник нравится и она даже слегка заигрывает с ним.

– Не возражаешь, если мы сразу перейдем на «ты»? – спросил он, когда официантка, наконец, ушла. – Я Ник, это мое реальное имя.

Он так и сказал «реальное» – странно, может быть, слегка старомодно.

– Ник – это Никита? – уточнила я.

– Ник – это Никлас, Николай.

– О, моего прадедушку звали Николаем. Он воевал... – от смущения я всегда начинала нести всякую чушь.

– Вот и я Николай, – мне показалось, или по его лицу скользнула тень, на миг омрачив ясный взгляд, словно набежавшие на солнце тучи. – Но если не возражаешь, предпочтительнее называть меня Ником.

Его голос звучал очень мягко и словно обволакивал меня. И акцент все-таки имелся, не ярко выраженный, но ощутимый. Какой? Может, польский или прибалтийский? Наверное, нет, хотя я не лингвист. Да и Никлас – конечно, не русское имя.

– Ты откуда? – спросила я напрямую.

Как-то сразу возникло чувство, что эта встреча не случайна, а была предопределена очень-очень давно, так что, несмотря на все смущение, мне казалось, что я имею право задавать любые вопросы.

– Я говорю не слишком хорошо? – Он весело посмотрел на меня. – Ну извини. Я только наполовину русский. Моя мама была из России, из Москвы. Меня сразу учили двум языкам, а первые слова, по семейной легенде, я произнес именно по-русски.

– А отец? – спросила я.

Официантка принесла кувшин и стаканы, бросила на Ника долгий взгляд и нехотя ушла.

– Мой отец немец. Вы до сих пор не очень любите немцев, – произнес он, наливая мне напиток в высокий стакан.

– Это не так! – поспешно отозвалась я, ругая себя, что сболтнула лишнее про прадедушку. Когда была та война! Да, после нее остались шрамы у обоих народов, но она уже не властна над настоящим, можно оставить ее истории, куда уходит все отжившее.

– Хорошо, – Ник налил немного себе, сделал маленький глоток и удовлетворенно кивнул. – Пей, вода как раз такая, как надо. Самое оно в жаркий день.

Я неловко выпила, слушая, как зубы звякают о край стакана.

– Ты меня боишься? – мой собеседник немного наклонился вперед, сократив и так небольшое расстояние разделяющего нас столика.

Мне стало трудно дышать, и в памяти, как назло, возник тот самый сон. Я думала о том, как мужские губы ласково скользят по моей шее, а щеки неудержимо заливал румянец.

– Я... Я, наверное, совсем одичала, – забормотала я жалкие оправдания. – Я ведь редко выхожу куда-то, нечасто встречаюсь с людьми. В основном работаю дома...

– Ты очень талантливая художница, – серьезно сказал Ник, отодвигая стакан, а я, чтобы не смотреть в пронзительно-синие глаза, уставилась на круглый след конденсата, оставшийся на столешнице. – Я видел некоторые твои работы и, как уже говорил, очень хотел бы их приобрести. Это возможно?

– Я не часто их продаю...

– Меня не смущает стоимость, – мягко отрезал он.

– Не о том речь... – я запнулась и, кажется, еще сильнее покраснела.

Господи, господи, господи! Я выгляжу дурой. Может быть, мозги совсем расплавились от внезапно наступившей жары? Видел бы сейчас меня Паша... Нужно срочно спасать положение!

Пока эти мысли панически мелькали в голове, Ник смотрел на меня со спокойным ожиданием.

– Хорошо, – выдохнула я. – Мы непременно договоримся. А тут, – я кивнула на лежащие перед ним фотографии, – та кукла?

– Да, – подтвердил он. – В моей коллекции есть несколько интересных немецких кукол. И это одна из них. Особенная. Я знал, что ты оценишь. Оригинал сейчас в другом городе, даже в другой стране, однако я ее сфотографировал.

Ник протянул мне стопку фотографий. Действительно, много данных и очень подробно. Я смотрела на куклу, словно на нежданно объявившуюся сестру. Внешне она не была похожа на Гретхен и вместе с тем чем-то ее очень напоминала. Платье на ней было, несомненно, оригинальным, оставшимся с далеких времен самого начала двадцатого века. Белое кружево слегка пожелтело, бархат местами обтрепался и выцвел, однако это оказалось самое настоящее старинное платье, очень богатое, расшитое золотой нитью.

– Хочешь посмотреть клеймо? – предложил Ник и выбрал из пачки одну фотографию.

Крупно снятое клеймо, прятавшееся под волосами куклы: две переплетающиеся готические буквы GV.

– Генрих Вольштайн, – пояснил Ник. – Я нашел кое-какие материалы об этом мастере. В начале двадцатого века в Германии стремительно развивалось кукольное производство, было открыто множество крупных предприятий, но это не тот случай. У Генриха имелась собственная маленькая мастерская. Он никогда не делал штамповку и изготавливал кукол только в одном-единственном экземпляре. Их и тогда насчитывалось мало, а на сегодняшний день и вовсе почти не осталось.

Я заворожено слушала. Так и знала, что наша встреча predetermined судьбой.

Мы просидели в кафе более двух часов, причем совершенно для меня незаметно – словно я провалилась во временную дыру. Ник оказался отличным собеседником. Он действительно интересовался моей жизнью – не просто задавал вопросы из вежливости, но слушал и эмоционально реагировал на рассказ. Спросил даже про семью и того самого воевавшего прадедушку. Правда, тут рассказать получилось немного – знаю только, что прадед Николай дошел до самого Берлина и вернулся к обожавшей его прабабушке Наталье, которая была почти на десять лет младше его, у них родился один ребенок – мой дедушка. А потом, задолго до моего рождения, прадедушка умер. Несчастный

случай, как говорили мои родные. Впрочем, развивать эту историю я не стала, но вдруг подумала, что на все вопросы о прабабушке и прадедушке всегда приходили весьма уклончивые ответы. Говорить на эту тему в семье не любили, и в юности мне казалось, что с ними связана какая-то страшная тайна.

Видя, что я свернула рассказ, Ник заговорил сам. Он с большим юмором рассказал о немецком обществе, правильном и благочинном, как во времена кайзера, а еще мы, конечно, говорили о куклах. Даже странно, что познакомились мы только сейчас, потому как бывали на нескольких выставках в одно и то же время и, видимо, ходили совсем рядом друг с другом.

– Почему куклы? – спросила я, слегка осмелев. – Мальчики редко ими интересуются.

Вернее, куклами интересуются мальчики совершенно определенной направленности, и внешне мой собеседник абсолютно не походил на гея – никакой манерности, суетливости, желания покрасоваться. С другой стороны, одет он был очень аккуратно и стильно, а мне уже приходилось слышать, что часто такие вот красивые и фактически идеальные молодые люди оказываются бракованными с общепринятой точки зрения. Я покосилась на его руку – без кольца. Значит, не женат? Но почему этот красивый мужчина до сих пор не женился? Вдруг... Так что же там с куклами?

Я задала Нику вопрос, но тут же сама испугалась – а если он обидится? Или, что еще хуже, вдруг подтвердит мои опасения и едва начавшаяся сказка закончится. А ведь он, признаюсь, уже серьезно захватил мое внимание, и мне даже казалось, что я ему тоже нравлюсь. Иначе зачем бы он уделял мне столько времени, расспрашивал, ухаживал совершенно мило и ненавязчиво, заказал для меня вкуснейший десерт и кофе.

– Это довольно долгая и невеселая история, – признался Ник, принимая у официантки очередную чашечку кофе. – Ты уверена, что хочешь ее услышать?

От кофе тянулись тоненькие струйки пара, и сразу запахло так волнующе-приятно.

Мне стало неудобно. Возможно, я вторгаюсь в запретную область.

– Если это слишком личное... – пробормотала я, снова смутившись.

Он задумчиво посмотрел на меня и, очевидно решившись на нечто важное, кивнул.

– О, это история из моего детства...

Ник уставился в окно, за которым шли люди, отделенные от нас стеклом, на улице кипела какая-то бессмысленная жизнь, напоминающая копошащийся муравейник или кадры не интересной тебе хроники, настоящее же было именно здесь, в этом маленьком и вдруг оказавшемся таким уютным кафе.

– Все началось именно с этой куклы, – он кивнул на фотографии куклы, – благодаря которой и состоялась наша встреча. Она принадлежала еще моему отцу. Я очень поздний ребенок: отцу, когда я родился, стукнуло уже пятьдесят. Пока я был мелким, совершенно ее не ценил, однако помню как сейчас, как впервые серьезно влюбился... Мне исполнилось тогда двенадцать, и мы переехали из Берлина в Мюнхен. Та девочка была моей ровесницей, жила на нашей улице и часто проходила мимо меня вместе со своей мамой. Обе всегда нарядные и невероятно красивые. Ее звали Ева, и тогда она казалась мне единственной девочкой на земле... Я буквально помешался на ней – ждал ее у подъезда и за углом музыкальной школы – а Ева, конечно, играла на фортепиано... Но все никак не решался к ней подойти. Мог спокойно болтать с любой девчонкой из нашей школы, дергать за косички, даже подставлять подножку... но Ева казалась мне особенной, волшебной, словно случайно попавшей к нам из страны грез. Я много думал о ней и вдруг неожиданно стал слушать Вагнера и читать романы, ранее не привлекавшие меня. И вот тогда я словно впервые взглянул на эту куклу. Нет, она не похожа на Еву, и тем не менее мне казалось, будто у них очень много общего... – Ник замолчал, взял с блюдца кофейную чашечку, повертел ее в руках и поставил обратно: – Наверное, это звучит как полный бред.

– Нет! – воскликнула я, кажется, слишком громко.

В этот час посетителей в кафе, к счастью, было немного, но сидевшая за два столика от нас немолодая пара покосилась на меня с недоумением.

– И что случилось с Евой? – спросила я, почему-то перейдя фактически на шепот.

– Не знаю, – Ник вздохнул. – Я так не решился к ней подойти – наверное, был слишком в нее влюблен. А через полгода они переехали. И думаю, – он усмехнулся, – это к лучшему. Такая романтическая влюбленность не выдерживает столкновения с действительностью. Конечно, я осознаю это сейчас. А тогда ужасно переживал и однажды решил выбросить куклу, слишком напоминавшую о Еве... – Он замолчал и уставился в окно.

Я напряженно, с замершим сердцем, ждала окончания рассказа. По тому, что он фотографировал куклу недавно, это видно по качеству фотографий, становилось совершенно ясно, что завершилась эта история благополучно, но как?..

– Отец застал меня в последний момент, – глухо произнес Ник, – и, догадавшись, что я собираюсь сделать, выпорол меня. Впервые в жизни. А потом подробно объяснил, что такое семейные ценности и как нужно чтить традиции предков. В тот момент я ненавидел его и кричал, что никогда не приму его бюргерскую идеологию! После этого случая он запер куклу в сейф, а мы с ним не разговаривали почти неделю, несмотря на попытки матери нас примирить. Я отказывался есть и злился на весь белый свет. Но однажды...

Ник снова замолчал, видимо, рассказ давался ему с усилием, а прошлое все еще оставалось живым в его памяти.

Я не перебивала. Весь мир в этот момент сосредоточился на еще недавно совершенно незнакомом мне человеке с невероятно синими глазами.

– Однажды вечером отец зашел ко мне в комнату, держа в руках эту куклу, и остановился напротив меня. Я тогда валялся на диване, бессмысленно пялясь в потолок. Даже музыку слушать не хотелось. «Я был не прав, – сказал отец, и это первый случай, когда он передо мной извинился. – Между прошлым и будущим не может быть выбора. Возьми эту куклу, я решил передать ее тебе. Ты – мое будущее, и только ты можешь сделать выбор, что оставить в своей жизни, а что безжалостно из нее удалить». – «То есть я могу сделать с ней что угодно? Продать? Выбросить?» – Я не собирался отвечать ему, планируя сохранять гордое молчание, однако его неожиданное решение выбило почву из-под ног. «Ты – будущее нашей семьи, поэтому решение за тобой», – повторил отец. После этого он осторожно посадил вот эту самую куклу на мой письменный стол, украшенный положенными под стекло постерами Kiss и Rammstein, и вышел из комнаты.

– И что случилось потом? – Я не отрывала от него взгляда.

– Я посмотрел на куклу, – признался Ник. – И вдруг почувствовал острую вину перед ней. Отец оказался во всем прав, нужно было высечь меня еще сильнее, чтобы поставить мои размякшие от любви мозги на место. Эта кукла – прошлое нашей семьи, и я не имею права его вычеркивать. Напротив, я понял, что должен передать ее своим детям... Так что, – он провел рукой по щеке, словно смахивая с себя тяжелые воспоминания, – именно с того времени я стал интересоваться старыми куклами. Они вдруг сделались для меня живыми... Снова несу бред, да? – он быстро взглянул на меня.

– Нет, – опять ответила я. – Знаешь, я тоже ужасно виновата перед своей Гретхен...

И я торопливо заговорила, словно боясь передумать. Эту историю я не рассказывала никому до этого момента. Ее не знал никто за пределами нашей семьи, и мне даже в голову не приходило изложить ее тому же Павлу. Я говорила и смотрела на Ника, боясь заметить в его глазах насмешку, однако он отвечал серьезным взглядом и кивал так, словно действительно понимал все мои чувства. Не только понимал, но и удивительным образом их разделял.

– Я хотел бы познакомиться с Гретхен, – сказал Ник, когда я закончила. – Вероятно, их и вправду сделал один мастер. Даже странно, что у обоих работ Генриха Вольштайна такая непростая судьба. Эти куклы словно наделены собственной душой.

1932 год, декабрь

За окном, словно голодный волк, выл и бесновался ветер, но в маленьком уютном доме на краю города было тепло. На столе горела масляная лампа, бросая теплые блики на ворох бумаг, изломанные карандаши, осколки фарфора и странные мертвые головы с пустыми глазницами.

Рабочий кабинет Генриха Вольштайна не отличался порядком, несмотря на хлопоты приходящей работницы Лизы. Генрих, сорокасемилетний холостяк, за всю жизнь так и не обзавелся ни женой, ни детьми. Соседи шушукались, что

семью мастеру заменили куклы.

И в этот вечер две закадычные подруги, встретившись в кондитерской лавке, обсуждали странного соседа, стоя над сладко пахнущими ванилью и корицей только что испеченными булочками.

– Ненормальный! – говорила полногрудая вдова Марта, уже давно бросавшая томные взгляды в сторону соседа. – И не старик еще, а живет как отшельник. Не беден, а в драные тряпки одевается.

– То-то и оно, – с готовностью кивнула жена молочника Грета. – Видела ты его кукол? Совсем как живые! Вот Лиза его кукол больше смертных грехов боится. Говорит, смотрят они на нее все время. Она в комнате прибирается, а куклы с нее глаз не сводят.

– Врешь? – замирая от ужаса, прошептала соседка.

– Я вру? – рыжая Грета легко покраснела, причем до ярко-свекольного цвета. – Да чтобы мне неделю на одном постном хлебе сидеть! Сама от Лизы слышала. Она уж зарекалась в доме нечистом работать, да кто же от денег откажется?..

Марта кивнула. И вправду, отказаться от денег – грех. Это все равно что Господу Иисусу Христу в глаза плюнуть. Ведь деньги – Его дар, Его милость.

В окошко был виден соседский дом с тускло освещенным окном. Добротный большой дом, только уже слегка запущенный. Вот взвалил бы Господь на плечи Марты заботы об этом доме, она понесла бы бремя сие со смирением и быстро бы привела все в порядок, подлатали бы где надо, выправили бы...

– Сидит, сыч, – поймав взгляд подруги, заметила Грета. – Небось опять над идолищами своими погаными.

– Совсем пропадет, – покачала головой Марта. – Ведь даже к Рождеству ни новую рубашку не наденет, ни дом не украсит. Ладно бы денег не было, а у него их... – она вздохнула. – А живет как нехристь.

– Женщину бы ему хорошую, – многозначительно покосилась на подругу Грета. – Такую, чтоб его в руки взяла да в доме порядок навела.

Марта вздохнула и поглядела на свои полные белые руки, в которых было достаточно силы, чтобы приструнить любого, самого вздорного мужика, а потом, отринув пустые мечты, велела положить себе одну булочку с миндалем и несколько марципановых рождественских фигурок, строго следя, чтобы ей доставались самые крупные и румяные. Покупка выходила дорогая, но как не побаловать себя перед светлым праздником?!

А Генрих в это время мирно спал, опустив голову на сложенные на столе руки, и даже не подозревал об опасности. Снилось ему что-то мягкое, вроде пуховой перины, нежно обволакивающее со всех сторон, и сладкий незнакомый голос, поющий колыбельную – ту самую, которой убаюкивала его некогда мама...

Schlaf, Kindlein, schlaf,

Der Vater h?t die Schaf,

Die Mutter sch?ttelts B?umelein,

Da f?llt herab ein Tr?umelein.

Schlaf, Kindlein, schlaf[1 - Популярная немецкая колыбельная. Примерный перевод: Спи, дитя, спи. Твой отец овец пасет, Мама дерево трясет, А на дереве том сны — Спи, дитя, скорей усни!].

Он был на войне, перенес лишения и позор, а вернувшись, не хотел ничего, кроме покоя и возможности создавать. Его большие сильные руки неожиданно оказались приспособлены к тонкой работе, а сам процесс от первых эскизов до отлива форм и последних штрихов краски доставлял истинное, ни с чем не сравнимое удовольствие.

Работал Генрих один в маленькой мастерской, пристроенной к дому, главным сокровищем которой являлась большая чугунная печь для обжига. В этой печи, словно легендарная птица феникс из огня, и рождались его куклы. В муках, пламени и боли – настоящие, живые. Только они дарили ему тепло и радость, только с ними он мог говорить по душам.

Громкий стук вырвал Генриха из сонного покоя.

Мастер вздрогнул, дернулся на прочном дубовом стуле и недоуменно огляделся. В дверь снова постучали.

- И кого это принесло на ночь глядя? - неприязненно пробормотал Генрих и, шаркая, пошел открывать.

В дверь ворвался порыв ветра и целое полчище снежинок, называемых еще слугами Снежной королевы, но, не выдержав столкновения с теплом, они осели на полу мелкими блестящими капельками.

Человек в длинном черном пальто с густым бобровым воротником, лишь слегка припорошенным снегом - сразу видно, что прибыл на автомобиле, - шагнул за порог и близоруко огляделся.

- Вы герр Вольштайн? - спросил гость слегка хрипло.

Судя по виду, посетитель был не молод, но богат - франтоватые усики топорщились блестящей ухоженной щеткой, пальто и ботинки явно шили по заказу. Генрих терпеть не мог таких вот благополучных господ. Хватило уже ради них в войну покоряться.

- Не принимаю, - буркнул он, собираясь выпроводить господинчика.

Но тот не дал, вдруг сунув хозяину в руку фотографическую карточку, на которой, примостившись на краешке большого кресла, словно готовая вскочить и бежать в любую секунду, сидела хорошенькая белокурая девушка.

- Я слышал, вы делаете куклы, - как ни в чем не бывало продолжал посетитель. - Мне вас рекомендовали.

С трудом отведя взгляд от карточки, мастер исподлобья посмотрел на гостя.

- Я дорого беру, - предупредил он.

- Вот и хорошо, - господин сбросил пальто, поискав глазами слугу, и, не найдя, сам пристроил верхнюю одежду на стоящую в углу тяжелую чугунную

вешалку. – Мне нужна совершенно особенная кукла. Вот...

Он развернул сверток из черного бархата, в котором оказались удивительной красоты золотистый локон и небольшой бархатный же мешочек с монограммой.

Генрих молчал. За дверью с новой силой завыл ветер. Словно взбесившиеся валькирии носились среди тяжелых туч, стеная и оплакивая доблестных воинов, которым уже никогда не открыть глаза навстречу новому дню. Словно сама судьба молила его остановиться и вернуться в свой дремотный покой. Но жребий был брошен, и упала тяжелая капля, растворившись в бездонном океане времени.

Мастер медленно перевел взгляд на заказчика.

– Кто эта девушка? – спросил он, точно зная, что вправе задавать такой вопрос.

– Моя дочь, – ответил гость, не сводя с хозяина цепкого, словно репей, взгляда. – Так вы сделаете для меня куклу?

И Генрих кивнул.

Глава 5

Наше время, начало мая

Мы с Ником договорились встретиться на следующий день, поэтому почти всю ночь я просидела за работой, спеша закончить два рисунка и коллаж, а с самого утра принялась за уборку. Навести порядок в однокомнатной квартире, казалось бы, дело нехитрое, однако меня не устраивал обычный результат. Хотелось, чтобы все было безупречно – все отмыла, начистила паркетный пол до блеска. Да и кукол привела в надлежащий вид – достала с антресолей коробки со своими любимцами. К сожалению, куклы в доме занимают довольно много места, поэтому приходится ссылать их наверх и доставать только по особым случаям.

Гретхен я тоже привела в порядок. Осторожно умыла специальной губкой с мягким очищающим раствором, почистила щеточкой одежду, расчесала жесткие белокурые волосы. Кукла стойко терпела эти манипуляции и не смотрела на меня. Мне показалось, что она не меньше меня ждет Ника.

– Он из Германии, как и ты, – сказала я. – Приятно увидеть земляка после стольких лет?

И вдруг подумала о том, что Гретхен и других людей, кроме членов нашей семьи, никогда не видела. Я ни разу не возила ее ни на одну выставку и только около месяца назад впервые опубликовала ее снимки на одном специализированном сайте. Это было отчасти потому, что я за нее боялась, мучилась от мысли, что кто-нибудь, даже неосознанно, может причинить ей зло. Но имелась и вторая причина – казалось ужасным, что на нее станут смотреть чужие люди, до ее хрупкого тела дотронутся чьи-то пальцы... Я хотела, чтобы Гретхен была моей все время, как я себя помню.

Мне исполнилось тогда пять. С утра комната оказалась заполнена разноцветными шарами, а мама, папа и дедушка с бабушкой с папиной стороны, приехавшие пораньше специально, чтобы меня поздравить, держали в руках большую коробку и красивый торт, в который было воткнуто ровно пять крученых розовых свечек.

– С днем рождения! – поздравили меня родные хором.

– Иди, мы тебя поцелуем, – позвала мама.

Я подошла, косясь на большую коробку. Я уже видела у бабушки с дедушкой Гретхен и в этот момент поняла, что в коробке лежит именно она. Гретхен! Синеглазая красавица, которую мне никогда не разрешали держать самой, уверяя, что я еще слишком маленькая. Теперь я большая, мне пять. Значит, время пришло.

– Посмотрите, она хочет подарок! Ну не мучайте же ребенка! – басовито рассмеялся папа.

– Осторожно! – предупредила мама, кладя коробку на мою кровать.

До сих пор помню, что на постельном белье у меня были смешные разноцветные слоники, играющие на разных музыкальных инструментах.

Мои пальцы не слушались, и я долго не могла справиться с противным бантом.

- Что там, как ты думаешь? - спросила ласково бабушка Лена.

Я смотрела на нее и от волнения не могла говорить.

- Ну открывай, - поощрительно улыбнулась мама и, наклонившись, помогла справиться с бантом.

Комнату наполнял прозрачно-медовый солнечный свет, такой сладкий, что его можно было лизать, как мои любимые леденцы.

Я набрала побольше воздуха в грудь, потянула вверх крышку и... не поверила своим глазам.

В коробке лежала совершенно чужая кукла! Я не помню ее лица, не помню, в какое платье она была одета. Главное - это оказалась не Гретхен!

Горло в тот момент сдавила невидимая петля, а по щекам быстрыми ручейками побежали неудержимые слезы, впадая где-то во вселенскую реку несбывшихся надежд. Я редела так отчаянно, что первые минуты взрослые даже не пытались меня утешить, совершенно не понимая, что происходит.

Но потом мама подхватила меня на руки, принялась качать, успокаивать, все повторяла, что я уже большая и плакать не нужно. И от этого хотелось рыдать все горше и горше.

- Что случилось? - спрашивала мама. - Почему ты плачешь?

А я никак не могла ответить, захлебываясь рыданиями. Наконец, спустя некоторое время, успокоилась, и маме по большому секрету удалось узнать причину моих слез.

– Зачем тебе Гретхен? Эту куклу очень любила твоя прабабушка. Гретхен не для игры, понимаешь? – пыталась убедить меня мама.

Но это, конечно, привело только к новому потоку слез.

Когда я снова успокоилась, взрослые удалились на кухню для совещания, со мной остался лишь папа, который безуспешно пытался отвлечь меня какой-то глупой игрой. Я слушала доносившиеся из-за неплотно прикрытых дверей голоса и никак не могла понять, что происходит и подарят ли мне Гретхен.

Наконец торжествующая процессия появилась, чтобы возвестить непостижимую для моего понимания вещь: куклу мне подарят, но, пока я не подрасту, Гретхен будет по-прежнему жить у бабушки, а я смогу ходить к ней в гости, когда пожелаю.

Разумеется, я пожелала немедленно. Даже попытки соблазнить меня тортом позорно провалились, и мама, зная мое упрямство, посоветовала ехать немедленно.

Мы сели в машины. В то время папа водил серый «Шевроле», а у дедушки Бори и бабушки Лены была старая «Победа». Дорога показалась мне ужасающе долгой, хотя на самом деле папины родители жили в том же районе, что и мы, так что ехать пришлось едва ли больше минут пятнадцати-двадцати.

И вот, наконец, мы в гулком подъезде старого сталинского дома. Обитая дерматином дверь бабушкиной квартиры кажется мне прекраснее райских врат. Мы входим в бывшую коммуналку, где мой дед прожил всю свою жизнь и куда принесли моего папу сразу после того, как он появился на свет. Я в нетерпении пробегаю длинный коридор, заставленный книжными шкафами, и останавливаюсь на пороге комнаты с ручками в виде львов, держащих во рту медные кольца.

– Ну вот и Гретхен! – говорит бабушка Лена, улыбаясь.

А дедушка Боря отворачивается. Мне кажется, он не любит кукол.

Тот день оказался самым счастливым и самым несчастным для меня.

До рокового случая в тот миг оставалось менее часа.

Трель дверного звонка вернула меня к реальности. Я поспешно спрятала тряпку, которую все еще держала в руках, поправила кружево на платье Гретхен и поспешила открыть.

Как и при первом взгляде, Ник поразил меня сиянием синих глаз. Я уже почти забыла их, вернее, стала сомневаться, действительно ли его глаза производят магический эффект, но теперь еще раз убедилась в этом.

– Привет! – он улыбнулся, принеся в мою маленькую квартиру запах раскаленного на солнце янтаря – по крайней мере, именно такое сравнение пришло мне в голову.

Ник пришел с цветами и изящной коробочкой конфет ручной работы. И то, и другое удивительно подходило именно мне. Ну ладно, про цветы я призналась ему в начале нашей странной игры, но с конфетами он угадал.

Я приняла подарки, на миг пожалев, что на мне обычные джинсы и черная футболка, а не романтичный наряд, а гость вопросительно посмотрел на меня.

– Можно я помою руки? Ну, чтобы не трогать ее грязными руками? – спросил он, словно извиняясь.

Пашке никогда не пришло бы такое в голову, это чувствовал лишь настоящий коллекционер.

Я кивнула и принесла пушистое полотенце с серебристым цветком облетевшего одуванчика.

Странно, мне показалось, будто Ник волнуется.

Он тщательно вымыл руки, намыливая трижды, затем вытер их, а уже на пороге комнаты на миг остановился. Это тронуло меня едва ли не до слез.

– Проходи, – и посторонилась, давая ему дорогу.

Он вошел и сразу же увидел Гретхен. Она произвела на него сильное впечатление, я почувствовала это не по эмоциональной реакции, напротив, по его полной неподвижности и внезапно выделившимся, словно одеревеневшим скулам. Обратив внимание на его руки, я заметила, что тонкие сильные пальцы напряжены и сжаты.

Неужели он, как и я, осознает, что это не простая кукла? Неужели и он улавливает исходящую от нее энергетику и чувствует ее взгляд?

Ник смотрел на Гретхен так, словно для него больше не существовало ничего на свете, – издали, не приближаясь.

– Хочешь посмотреть поближе?

Он едва заметно вздрогнул, словно успел забыть о моем существовании, а потом кивнул.

– Она потрясающая. Можно я возьму ее в руки и взгляну на клеймо?

Я, конечно, разрешила и с удовольствием наблюдала, как бережно и даже ласково Ник держит куклу, словно это хрупкое живое существо. Впервые в моей жизни появился такой мужчина. Тот же Паша, я это прекрасно понимала, считал мое увлечение пережитком детства, чем-то легкомысленным. В его серьезном и, конечно, до донышка реальном мире не находилось места хрупкой, почти болезненной красоте кукол или красоте бабочкиного крыла.

– Несомненно, это работа того же мастера, – проговорил Ник глухо. – Это особенная кукла. Береги ее.

– Я знаю.

Стоя в отдалении, я старалась ему не мешать. Он дотронулся до волос куклы, словно слепой, провел пальцем по ее лицу, коснувшись сияющих сапфировых глаз, а затем решительно, но аккуратно посадил Гретхен на место и тут же отвернулся от нее, бросив:

– Не угостишь ли чаем?

Меня удивило это внезапное равнодушие, но, разумеется, я не показала виду и пошла ставить чайник.

Ник сел за стол и огляделся:

– Хорошо у тебя.

Посмотрев на свою старую кухню словно чужими глазами, я внезапно смутилась. Пожалуй, пора бы сделать ремонт. Обои выцвели, мебель старая. Боюсь, красота интерьера занимала слишком малую часть моего внимания. Правда, на чайной полке сидели три куклы, я слепила их одними из первых, назывались они чайными сестричками, и, признаюсь, несмотря на очевидное несовершенство, я очень их любила.

– Как их зовут? – Ник тоже заметил кукол.

– С белыми пушистыми волосами – это Ванилька. С шоколадными – Горчинка. А розоволосая – Клубниченка. Они отвечают у меня за сладкий стол.

– Значит, стол в надежных руках! – Ник склонился к куколкам, разглядывая их. – Какие хорошенькие. Знаешь, они похожи на брауни – тех фейри, что живут в людских домах и следят за хозяйством. Я имею в виду, что они немного проказливы, но очень домовиты.

И снова я удивилась, насколько точно он все угадал.

– Ты прав, – я улыбнулась, – это чайные сестрички. Благодаря им в этом доме всегда вкусный и свежий чай. Вот попробуй, – я поставила перед ним белую гостевую чашку и положила на блюдечко засахаренные апельсиновые дольки и миндаль в горьком шоколаде.

Ник медленно отпил глоток, взял сладости и задумался.

Я замерла: неужели не понравилось?

– Божественно! – наконец изрек он и поклонился в сторону полки. – Мое почтение и искренняя благодарность, Ванилька, Горчинка и Клубниченка! Именно то, что нужно.

Я стояла у стены, прислонившись спиной к светло-лимонным обоям, словно чужая в собственной квартире, и смотрела на этого человека. В голове был полнейший сумбур, мне хотелось, чтобы Ник оставался здесь целую вечность. Вот так, по-хозяйски спокойно и неторопливо пил чай и смотрел на меня пронзительными синими глазами. Чтобы время текло медленно и было похоже на танцующие чайники в прозрачном заварочном чайнике, а солнечные лучи, преломляясь в стекле, желтой теплой рекой стекали к нашим ногам и щекотали пальцы, как пушистые игривые котята. Чтобы завтра никогда не наступало.

Наверное, в моей жизни не было минуты прекрасней, а если и была, я напрочь о ней позабыла.

Ник, словно прочитав мои мысли, встал и подошел ко мне. Я вдохнула аромат его туалетной воды и запах его волос, а он обнял меня, прижал к груди, и внутри меня что-то взорвалось, дыхание перехватило, а время и вправду замерло.

Он очень медленно провел рукой по моим плечам. Я ощущала его мягкое, но сильное прикосновение каждой клеточкой тела, задыхаясь от восторга и предвкушения. Я сходила с ума. Я ничего не знала об этом человеке, я видела его всего второй раз в жизни и не думала о том, увижу ли еще. Я никогда не позволяла себе подобного, но сейчас мне буквально сорвало крышу – словно я была хлипкой соломенной хижинкой и налетевший ураган игрушечки развеял всю мою прошлую жизнь. Я задыхалась, вдыхала запах этого мужчины и не могла насытиться.

Ник, глядя в мои глаза, медленно-медленно приблизил свои губы к моим. А мне хотелось изо всех сил вцепиться в его плечи, вместе с поцелуем впитывая в себя его силу. Прежде чем он меня поцеловал, я умерла, наверное, тысячу раз. А потом я умерла в тысячу первый и воскресла возрожденная. Мое прошлое – все неудачи, робость, сомнения остались далеко-далеко, и мне не было до них дела.

Не было ни прошлого, ни будущего.

Наконец я жила только настоящим.

Его губами, прикосновениями его рук.

Его дыханием, стуком его сердца.

Я жила от мгновения до мгновения, умирая и возрождаясь.

Когда он подхватил меня на руки, я поняла, что ждала этого с самой первой секунды нашей встречи. Ждала и знала, что это непременно случится.

Комната качалась у меня перед глазами.

Я целовала его, как сумасшедшая. Кажется, я не могла уже дышать просто так и получала кислород только от его поцелуев.

Футболка, джинсы, его джинсы... Наша одежда, казалось, тоже хочет как можно плотнее прильнуть друг к другу, сплестись в единый клубок, накрепко связаться между собой штанинами, рукавами... Быстрее! Еще быстрее!

Ник провел губами по моей шее, обжигая горячим дыханием, и я снова почувствовала, что задыхаюсь без его губ. Не знаю, как я дышала без него все это время. Очевидно, вполсилы. В голову пришла внезапная дурацкая мысль, что вот сейчас я впервые изменяю Пашке, и мне стало ужасно смешно. Это отношения с Пашкой были ошибкой и изменой – если не Нику, то самой себе, – и только сейчас я делаю все правильно, поступаю так, как должна.

Его сила вливалась в меня, а я тянулась к нему, словно была умирающим от жажды путником и никак не могла напиться. Ник прошептал мне на ухо что-то по-немецки хрипловатым, очень личным голосом, и я, хотя учила в школе немецкий, не разобрала слов, но понимала смысл, потому все границы между нами были стерты.

– Я ждала тебя так долго! – пробормотала я, изо всех сил впившись пальцами в его плечи, пытаюсь вжаться в него еще плотнее, хотя это было невозможно...

А потом я тихо, чтобы он не заметил, целовала его в родинку, расположенную чуть выше левого соска, и думала о том, что мне больше совершенно нечего желать. И в этот момент, когда мне было так хорошо, как никогда, я внезапно почувствовала на себе холодный, презрительный взгляд.

Медленно повернув голову, я встретилась глазами с Гретхен.

В ее взгляде было холодное презрение, а изящные губки искривила усмешка. Она презирала меня и в то же время, кажется, ревновала.

- Что-то не так? - Ник приподнялся на локте.

Оказывается, он не спал.

- Все нормально, - отозвалась я, все еще не в силах отвести взгляд от куклы.

- Она нас осуждает?

Я не удивилась, что Ник прекрасно понял, что именно происходит. Любой другой бы не понял, но только не он.

- Она просто не знает тебя, - пробормотала я, уже понимая, что говорю глупости. - Ты будешь смеяться, и это правильно. Она же всего лишь кукла.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Популярная немецкая колыбельная. Примерный перевод:

Спи, дитя, спи.

Твой отец овец пасет,

Мама дерево трясет,

А на дереве том сны —

Спи, дитя, скорей усни!

Купить: https://tellnovel.me/nevolina_ekaterina/glaza-ee-kukly

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)